

В те времена в кабинете малыша Сяохунбина лежали целые стопки книг, свитков с каллиграфией и картин. После распускания группы малышей Сяохунбина Цзи Юн, как наследник этой организации, унаследовал часть книг. Боясь, что дома его заставят учиться, он привез их на ферму. Из-за этого старики на ферме относились к нему почти как к собственному внуку.

Услышав знакомый велосипедный звонок, все разом подняли головы. Увидев, что Цзи Юн привез на раме Цзи Юаня, они радостно заулыбались. Их жены и дети находились далеко, и в часы скуки они больше всего любили развлекаться с детьми семьи Цзи.

— Сяо Юн, Юань-юань, чего это вы притащились в самый разгар полудня? Солнце такое палящее, смотрите, не обгорите. Вы пообедали?

Цзи Юань слыл дурачком, но здесь никто не считал его таковым, и разговаривали с ним всегда точно так же, как с нормальным человеком.

Однако на этот раз Цзи Юань ответил:

— Добрый день, дедушки. Я еще не ел, а вы уже пообедали?

— ...

Улыбавшийся человек замер.

Не только он — замерли абсолютно все. На мгновение на площадке воцарилась тишина, а затем все обступили мальчика, с любопытством поглаживая Цзи Юаня по голове и рукам.

— Эт... это ведь Юань-юань?

— С чего это он вдруг заговорил?

— Они что, не близнецы?

Цзи Юань захлопал большими глазами, делая вид, будто ничего не понимает.

Он же ребенок, с чего бы ему знать, почему он вдруг заговорил!

Цзи Юн проявил еще большую беспечность:

— Понятия не имею. Главное — дело хорошее, какая разница, с чего это он вдруг заговорил.

Не добившись ответа, люди перестали расспрашивать и лишь порадовались за Цзи Цзяньго:

— Ну вот и славно, ну вот и славно, парень по имени Цзяньго наконец-то дождался конца своих страданий.

Хотя Цзи Юаню очень хотелось поболтать с дедушками, сейчас был не подходящий для разговоров момент: его дяди и старшие родственники все еще находились в отделении милиции!

Он посмотрел на одного из стариков лет пятидесяти в очках в серебряной оправе:

— Прадедущка Цзэн, я хочу попросить вас об одном одолжении.

То, что Цзи Юань заговорил, уже само по себе поражало, но никто не ожидал, что он пришел к нему по делу. Цзэн Ихуа поправил очки и с любопытством спросил:

— Ого, и что же нужно Юань-юаню от прадедущки Цзэна?

Это был чистой воды тон, которым балуют детей.

Тогда Цзи Юань произнес:

— Всех моих родных забрали в отделение милиции, я хочу попросить вас благополучно вытащить их оттуда.

Все решили, что неприятности стряслись с самим Цзи Цзяньго, и наперебой принялись расспрашивать. Сам Цзи Юань толком ничего не знал, за исключением того момента, когда его столкнули в реку, однако, к счастью, Цзи Юн стал свидетелем всего происшествия и тут же принялся рассказывать с самого начала.

Сегодня утром домашние внезапно услышали весть о том, что Цзи Юаня столкнули в воду. Вся семья бросилась в медпункт, но вместо утешения получила уведомление о критическом состоянии: им объявили, что Цзи Юань, возможно, при смерти. Все рассвирепели и побежали к семье Чжан сводить счёты с виновниками. Кто бы мог подумать, что Чжаны откажутся признать вину? Тогда Цзиновцы решили силой притащить чжанского пацанёнка в больницу. Семья Чжан не только попыталась помешать, но и созвала родственников и друзей на подмогу, собираясь избить пришедших и вытолкать их вон. В итоге обе семьи сошлись в драке, и в конце концов всех забрал милиционер.

Изначально правда была на стороне семьи Цзи, но нестати Цзи Цзяньго, желая успокоить родственников перед тем, как везти Цзи Юаня в городскую больницу, велел передать остальным, что с мальчиком всё в порядке. Он никак не ожидал, что обе семьи уже успеют подраться и угодить в милицию, поэтому посланный с вестью человек прямиком направился

туда. В результате, если сравнивать, семья Чжан, чей дом оказался разгромлен до основания, выглядела куда более жалко. Хозяйка дома Чжан Эрмэй — неграмотная и базарная баба, которая вечно скандалила по любому поводу, была ли она права или нет, — едва услышав новость о том, что Цзи Юань цел и невредим, тут же принялась кататься по земле и голосить, требуя с семьи Цзи компенсации.

Когда Цзи Юн уходил оттуда, обе семьи все еще грызлись.

— Чжан Эрмэй даже попыталась разорвать на себе одежду, крича, что ее изнасиловали, но старик Ли Седьмой отчитал ее, и она не посмела продолжать, а просто валялась на земле — умора! — Детская натура Цзи Юна заставила его сосредоточиться главным образом на том, как именно Чжан Эрмэй закатывала истерики, воспринимая всё исключительно как забаву и совершенно не задумываясь о том, что делать, если семье придется выплачивать компенсацию.

Хотя рассказывал он несколько сбивчато, суть все уловили и снова перевели взгляд на Цзи Юаня.

Цзи Юань был совсем крохой, пережившим утром едва не стоившее ему жизни происшествие, однако, слушая рассказ Цзи Юна, он не выказал ни малейшего страха, ни гнева, ни отвращения или иных подобных чувств. По сравнению с легкомысленным Цзи Юном он держался настолько уверенно и невозмутимо, что казался даже старше самого Цзи Юна.

Заметив, что все смотрят на него, Цзи Юань проговорил:

— Я не хочу, чтобы моя семья платила им компенсацию. Есть ли у прадедушки Цзэна способ мне помочь?

Потерпевшая сторона должна была выплачивать компенсацию обидчикам — как ни посмотри, это было обидно и несправедливо. Но поскольку Цзи Юань плохо разбирался в законах той эпохи, ему оставалось только обратиться за помощью к прадедушке Цзэну. Когда прадедушка раньше учил его грамоте, его еще не реабилитировали, и учебников у них не было. Прадедушка брал его руку в свою и заставлял выводить сотни законов и постановлений, которые держал в памяти. Тогда мальчик думал, что прадедушка — судья, и лишь позже услышал, что тот участвовал в доработке Конституции. Какое именно положение он занимал, Цзи Юань уже не знал.

Услышав просьбу Цзи Юаня, окружающие наперебой заговорили:

— В таких делах старик Цзэн мастер. Пусть он сходит с вами в милицию.

Цзэн Ихуа погладил маленькую головку Цзи Юаня. Они относились к мальчику как к родному внуку, и ни один человек в здравом уме не обрадовался бы, услышав, что его внука столкнули в реку.

— Ладно, я с хожу с вами.

Обратно они ехали прежним порядком: крутил педали Цзи Юн, Цзи Юань сидел на раме, а Цзэн Ихуа — на багажнике. Цзи Юн, хоть и был мал, обладал силой, вез двоих без малейшего труда, и велосипед звонко звенел звонком.

Цзэн Ихуа дорогой не сидел сложа руки и спросил Цзи Юна:

— Сяо Юн, а сколько лет тем пацанам, что столкнули Юань-юаня в воду?

— Чжан Синь — девять, Чжан Мин — двенадцать, а * — четырнадцать, он со мной в одном классе, — свирепо сплюнул Цзи Юн. — Вернусь в школу — прикончу мерзавца!

В голове Цзэн Ихуа уже созрел план действий, и он между делом поинтересовался:

— Сяо Юн, Юань-юань, вы знаете, что такое Закон о защите несовершеннолетних?

— А? Это еще что? — недоуменно отозвался Цзи Юн.

Цзи Юань-то знал, но ведь на дворе стоял восьмидесятый год, а Закон о защите несовершеннолетних примут лишь в девяносто первом, и в силу он вступит только в девяносто втором — до этого было еще далеко!

Цзэн Ихуа вздохнул:

— Вообще-то он должен существовать, а сейчас от него даже тени нет. И неизвестно, когда появится, эх...!

В этом вздохе слышалось глубокое разочарование. Он сокрушался как о собственной судьбе, так и о тех потерянных для страны десятилетиях.

Цзи Юн не разбирался во всяких умных материях и, яростно крутя педали, доехал до отделения милиции. Не успели они подъехать близко, как увидели целое море голов — жители поселка сбежались посмотреть на зрелище. Велосипед дальше ехать не мог, и Цзи Юн припарковал его у обочины. Не утирая пот, он загородил собой Цзи Юаня и прадедушку Цзэна, проталкиваясь сквозь толпу с таким же возбужденным видом любителя зрелищ, которому лишь бы хлебом не корми, дай посмотреть на скандал.

Стоило им подойти ближе, как послышался пронзительный плач и вопли Чжан Эрмэй:

— Не жить мне больше... не жить... столько мужиков набросились на одну бабу... дайте же мне

умереть... сжальтесь над моими тремя сиротами-детьми, уа-а-а-а!

Каждый следующий звук был выше предыдущего, прямо как в традиционной опере, и по одному этому надрыву любой бы понял, что слезы фальшивые.

Цзи Юн скривил губы и бросил прадедушке:

— Когда я уходил, она точно так же орала. Чего это она пластинку не сменит, неужели нельзя придумать что-нибудь новенькое?

Цзэн Ихуа нахмурился и крепко сжал руку Цзи Юаня:

— Пойдем внутрь. Юань-юань, держись за меня и не отпускай.

— Хорошо, — кивнул Цзи Юань.

Хотя Цзи Юн изо всех сил прокладывал дорогу, пробиться к входу в отделение милиции оказалось невозможно. Ворота во двор были небольшими, но их облепили плотной толпой, яблоку негде упасть, и даже на заборах ситком зеваки.

Цзи Юн попытался оттеснить нескольких человек:

— Пропустите, пожалуйста, там мои родные.

— Пошел, пошел, шкет сопливый, крутись в другом месте, — нетерпеливо рявкнул на него мужчина, стоявший на цыпочках.

Цзи Юн разъярился, но при старших ругаться не смел — за такое жутко влетало, — поэтому проглотил обиду и стал искать другое место. Вдруг чья-то рука опустилась на плечо того мужика, и его рывком выдернули из толпы:

— Ты кого это послал? Смелый больно! Моего кореша вздумал отчитывать?

Хулиганом, схватившим хама, оказался парень лет четырнадцати-пятнадцати, ростом на полголовы выше Цзи Юна, стройный, с правильными чертами лица, четко очерченными контурами, соболиными бровями, ясными глазами и аккуратной короткой стрижкой — вылитый писанный красавец. Правда, в этот момент парень скривил рот, изображая устрашающую физиономию и воображая, будто выглядит грозно, но со стороны казался лишь заурядным мелким бандитом.

— Малыш Сун! Ты чего здесь? — радостно окликнул друга Цзи Юн, игнорируя того мужика.

Подросток по имени малыш Сун оттолкнул обидчика и с ухмылкой ответил Цзи Юну:

— Пришел посмотреть на цирк, а ты разве нет? Послушай-ка, как она вопит — похлеще любого представления!

Цзи Юн задрал нос:

— Я вообще-то не глазеть пришел, там внутри мои домашние.

Сам не зная от чего, он невероятно гордился этим.

Малыш Сун разинул рот и ткнул пальцем в сторону отделения милиции:

— То... то есть твоя мать внутри?

Цзи Юн свирепо сплюнул:

— Тьфу, да у меня в семье до такого позора не опускаются! Там мои враги... Ладно, некогда болтать, сможешь провести нас внутрь?

— Плёвое дело, иди сюда.

Малыш Сун отвел троицу к подножию забора и выкрикнул пару имен. Сверху тут же спрыгнули несколько парней — друзья Цзи Юна. Узнав, что ему нужно внутрь, они без лишних слов уступили ему свое место на стене. Перелезть через забор для самого Цзи Юна не составляло труда, но он с сомнением посмотрел на Цзи Юаня и прадедушку Цзэна: с такими стариком и малышом он ни за что не рискнул бы рисковать.

— Ничего страшного, полезай первым, предоставь это мне.

Малыш Сун помог Цзи Юну забраться на стену, и, едва тот устроился, подхватил Цзи Юаня за шиворот и подбросил вверх. Цзи Юн испуганно перехватил мальчика:

— Аккуратнее! Это мой младший брат, уронишь — живым не сляну!

— Мешки с цементом ловишь, а тут подумаешь — человек, — отмахнулся малыш Сун.

Цзи Юн выругался и помог Цзи Юаню спуститься во двор. Там стояло еще несколько парней, которые аккуратно подхватили мальчика.

Когда земля снова оказалась под ногами, сердце Цзи Юаня успокоилось. Он ведь и впрямь чуть не умер от страха и мысленно выругался на «невоспитанных отроков». Оказавшись внизу, он послушно поблагодарил помогавших ребят:

— Спасибо, мой дедушка позади, пожалуйста, помогите ему.

Когда дело дошло до прадедушки Цзэна, малыш Сун и Цзи Юн действовали предельно бережно: подхватили старика под руки, помогли взобраться на стену и так же надежно спустили вниз. Шутить с хрупкими костями пожилого человека они не смели.

Вся процедура заняла меньше десяти минут, а Чжан Эрмэй внутри успела сменить несколько куплетов и продолжала заливаться слезами.

Во дворе милиции по-прежнему толпился народ, но протиснуться уже было можно. Работая локтями, троица наконец пробралась в помещение.

Семья Цзи в основном молчала — к этому моменту они порядком устали от скандала. Все стояли, скрестив руки на груди, и с мрачными лицами наблюдали за причитаниями Чжан Эрмэй. Справедливость в этом мире не зависела от того, кто громче орет, да и если бы отделение милиции решило покривить душой, они бы разнесли к чертям и это отделение тоже.

Трое новичков тихонько протиснулись к своим. Они увидели растрепанную Чжан Эрмэй, которая сидела на полу, вцепившись в ножку стола, и голосила:

— Председатель... товарищ Председатель... вернитесь, посмотрите, как помещики измываются над простыми крестьянами...

Лицо Цзэн Ихуа перекосило — у него так и чесались руки как следует отлупить эту бабу.

Снаружи доносились веселые смешки и говор, да и сами молодые милиционеры внутри участка уже с трудом сдерживались, прикрывая рты руками. Начальник Ли хлопнул ладонью по столу:

— Хватит уже! Даже если сам председатель воскреснет, неужели он... сможет вернуться и разбираться с твоими глупостями?

Будучи партийцем старой закалки, он не выносил, когда имя председателя полоскали впустую.

Чжан Эрмэй подавилась и замолчала. На ее лице отродясь не было слез, она просто голосила всухую. Ее муж в самый подходящий момент протянул ей кружку воды — видно было, что дело привычное и на лице его застыло выражение глубокой покорности.

Чжан Эрмэй действительно страшно захотелось пить. Осушив кружку залпом и громко икнув,

она всхлипнула и обратилась к начальнику Ли:

— Двоюродный братец, я ведь у тебя на глазах росла, ты не можешь меня бросить на произвол судьбы! Позволишь этим бессердечным помещикам обижать меня?

Цзи Лаогэнь помрачнел и холодно усмехнулся:

— Чжан Эрмэй, раз уж зашел разговор о родне, спроси у Ли Гоуданя, кому он ближе приходится, рискнет ли он тебе помогать?

Ли Гоудань... то есть начальник Ли залился краской стыда:

— Дядя Лаогэнь, я ведь уже взрослый, умоляю, не называйте меня так.

Цзи Цзяньго с мрачным лицом выступил вперед:

— Братец Цзяньцзюнь, я прямо спрашиваю: что мы будем с этим делать? Моего сына чуть не убили эти люди. Если милиция палец о палец не ударит, мы сами со всем разберемся!

Чжан Эрмэй снова заголосила:

— Братец, видишь, они мне угрожают! Заступись за меня!

— ... — начальник Ли Цзяньцзюнь был единственным человеком, которому действительно хотелось плакать.

В родных деревнях был ровно один изъян: за кого ни возмись, все кому-то кумовья или сваты. Ему так хотелось вершить правосудие по закону, но стоило начать, как люди тотчас цеплялись за родственные узы, называя его то двоюродным братцем, то племянником. А если захотелось бы проявить кумовство — так обе пострадавшие стороны приходились ему родней, и кому бы он ни помог, к нему в дом обязательно придут рыдать по вечерам. Если же не помогать никому и действовать строго по протоколу, получалось ровно то, что происходило сейчас.

Цзэн Ихуа поленился дальше смотреть на этот балаган. Взяв за руку Цзи Юаня, он шагнул вперед, похлопал Цзи Лаогэня по плечу и произвел:

— Старик Цзи, предоставь это мне!

— А? Братец Цзэн, какими судьбами... Юань-юань? — заметив Цзэн Ихуа, который по идее должен был оставаться на ферме, Цзи Лаогэнь изумился, но тут же, опустив взгляд на Цзи Юаня, поспешно притянул драгоценного внука к себе и участливо заговорил: — Юань-юань, ты

как тут оказался? Кругом такая толкотня, а ну как затопчут! Ты пообедал?

— Еще нет! — писклявым детским голоском протянул Цзи Юань. — Я жду дедушку, папу и маму, чтобы пообедать вместе.

Благодаря миловидной внешности его детская игра не выглядела фальшиво, а вызывала лишь умиление.

Раньше, когда Цзи Юань был дурачком, Цзи Лаогэнь и так души в нем не чаял, а теперь, когда внук начал ластиться к нему сладким голоском, дед в одно мгновение позабыл про весь свой гвар и лишь радостно кивал:

— Хорошо-хорошо, пойдем домой обедать...

Цзэн Ихуа прервал его:

— Старик Цзи, давай сначала разберемся с этим делом!

Зная, что Цзэн Ихуа человек толковый, Цзи Лаогэнь спросил:

— И как же ты предлагаешь поступить?

— Старик Цзи, если ты мне веришь, отдай все это в мои руки.

— Разумеется, я тебе верю, — кивнул Цзи Лаогэнь. — Тогда вся надежда на тебя.

Стоило Цзэн Ихуа получить карт-бланш, как его облик неуловимо переменился.

Прежде он носил потертую одежду и смахивал на обычного деревенского старика, но сейчас, столкнувшись с делом из своей профессиональной сферы, он выпрямился во весь рост, и от всего его существа повеяло уверенностью в собственных знаниях и той самой академической гордостью.

— Сегодня произошли два совершенно разных события, и я считаю, что смешивать их не следует, — не глядя на валявшуюся на полу Чжан Эрмэй, Цзэн Ихуа уселся напротив начальника Ли и неторопливо произнес: — Мухи отдельно, котлеты отдельно. Смотрите: семья Цзи разгромила мебель семьи Чжан — значит, нужно выплатить компенсацию за ремонт, верно?

Начальник Ли кивнул, а Чжан Эрмэй перестала притворно всхлипывать и с надеждой уставилась на него.

Цзэн Ихуа продолжил:

— Если семья Цзи выплатит компенсацию за ремонт, можно ли считать инцидент с погромом исчерпанным?

Начальник Ли кивнул:

— Всё по справедливости.

Кто-то из семьи Цзи было возмутился и шагнул вперед, но Цзи Лаогэнь вовремя остановил его.

— Тогда вам нужно составить мировое соглашение, верно?

Заметив, что дело сдвинулось с мертвой точки, начальник Ли поспешно отозвался:

— Бланки примирения есть.

Обычно соседские ссоры улаживались миром, и в отделении милиции всегда имелся запас таких бумаг.

К счастью, семья Цзи проявила сдержанность: никто не пострадал, требовалось лишь возместить стоимость сломанной мебели. Чжан Эрмэй попыталась заломить цену втридорога, но начальник Ли осадил ее, велев вписать компенсацию по рыночной стоимости.

Чжан Эрмэй скривила губы от досады, но при мысли о том, что она все-таки добилась своего, лицо ее невольно расплылось в торжествующей улыбке.

Обе стороны подписали мировое соглашение, и на этом погром в доме Чжанов был исчерпан.

Игнорируя сердитые взгляды семьи Цзи, Цзэн Ихуа неспешно проговорил:

— А теперь давайте поговорим о том, как Юань-юаня столкнули в воду.

Чжан Эрмэй тотчас затараторила:

— Ладно-ладно, выплачу я им за лекарства.

Она бросила презрительный взгляд на Цзи Юаня, ничуть не переживая.

Обычно, если дети дрались и получали травмы, родители приходили с извинениями и отделялись парочкой яиц. Если же ребенка увозили в больницу, выплачивали небольшую компенсацию на лекарства, стоившие сущие копейки — ничего серьезного.

Она потому и отпиралась поначалу, что услышала, будто Цзи Юань при смерти. Но раз уж тот цел и невредим, подумаешь, раскошелится на пару-тройку юаней за лекарства! Зато за ремонт мебели она сдерет с них побольше.

— Нет, нет, компенсация не нужна. — Несмотря на то, что домашние готовы были прожечь в Цзэн Ихуа дыру взглядами, он по-прежнему держался с олимпийским спокойствием. Он обратился к начальнику Ли: — Те двое парнишек двенадцати и четырнадцать лет из семьи Чжан подлежат уголовной ответственности за совершенное правонарушение, верно?

Начальник Ли кивнул в знак согласия.

В ту пору Закона о защите несовершеннолетних еще не существовало, и даже в милиции не имели об этом ни малейшего понятия. Никто бы не стал оправдывать преступление малолетнего отговорками вроде «он же ребенок» или «он несовершеннолетний». Десятилетний воришка попадал за решетку точно так же, разве что срок ему давали поменьше.

Неграмотная Чжан Эрмэй не понимала, что такое уголовная ответственность, однако у начальника Ли заскребли кошки на сердце.

Цзэн Ихуа спросил Цзи Лаогэня:

— Старик Цзи, в медпункте Юаню выдали справку о критическом состоянии?

Раз Цзи Юань едва не умер, такая бумага, разумеется, имелась. Цзи Лаогэнь извлек из нагрудного кармана уведомление о критическом состоянии и снова свирепо зыркнул на Чжан Эрмэй.

Цзи Юань поспешно дернул его за рукав, успокаивая:

— Дедушка, я в порядке, я потом научусь плавать.

Прижав к себе заговорившего внука, Цзи Лаогэнь вновь смягчился.

Тут до Чжан Эрмэй наконец дошло, и она вытаращила глаза:

— Подождите-ка, разве Цзи Юань не дурачок?

Не обращая на нее внимания, Цзэн Ихуа пододвинул справку начальнику Ли и чеканя каждое слово произнес:

— Согласно статье 384 Уголовного кодекса нашей страны, умышленное причинение вреда здоровью другого человека карается лишением свободы на срок до трех лет, арестом или ограничением свободы. Причинение тяжкого вреда здоровью наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет; причинение смерти или тяжкого вреда здоровью, повлекшего за собой тяжкую инвалидность, совершенное с особой жестокостью, наказывается лишением свободы на срок от десяти лет до пожизненного или смертной казнью.

— Начальник Ли, мой подзащитный подвергся противоправным насильственным действиям со стороны Чжан Мина и *, что едва не стоило ему жизни. Я требую, чтобы полиция немедленно задержала преступников и привлекла их к ответственности.

Среди членов семьи Цзи поднялся слабый гул. Как бы сильно они ни злились, им и в голову не приходило, что выходка чжанских пацанов тянет на преступление, к тому же при упоминании сроков в три или десять лет все казалось слишком серьезным.

Теперь Чжан Эрмэй все поняла. Этот вежливый и мягкотелый на вид старик собрался упрятать за решетку ее сыновей! Да еще с ходу сыпал какими-то десятилетними сроками — он же хотел сжить ее мальчишек со свету!

Взбешенная женщина бросилась на Цзэн Ихуа, пытаясь исцарапать ему лицо, но молодой милиционер вовремя перехватил ее руки. Кататься по полу в отделении милиции позволялось, но бить людей никто бы не разрешил.

Чжан Эрмэй снова заголосила:

— Братец, не слушай его! Это просто детские шутки, дурачок же цел и невредим, какая к черту уголовщина? Да они сами нам мебель разнесли!

Цзи Лаогэнь невозмутимо произнес:

— Мировое соглашение подписано, мы выплатим деньги за ущерб.

— Т-тогда... тогда мы тоже подпишем мировое, мы выплатим вам...

— Не нужно, — оборвал его Цзи Лаогэнь. — Мы сделаем так, как сказал братец Цзэн... как бишь его, по какому закону?

— Статья 384 Уголовного кодекса, умышленное причинение вреда здоровью.

— Верно, умышленное причинение вреда здоровью. Как в законе написано, так мы и поступим. По радио же передавали — у нас правовое государство!

Чжан Эрмэй замерла. На ее лице проступил испуг, голос задрожал. Вырвавшись от молодого милиционера, она спряталась за спину начальника Ли:

— Братец, он же врет, правда? Ну столкнули в воду, обычная детская шалость, ничего же не украли, не отобрали, с чего вдруг это преступление?

Начальник Ли потер виски, чувствуя, как у него раскалывается голова.

<http://bllate.org/book/22417/2353555>